

Глава 17

Америка

Над океаном. Нью-Йорк.
Американские контрасты.
Критика Солженицына.
Начало конфликта с эмиграцией.
Валерий Чалидзе и Антонин Лим.
Первая публикация на Западе.

Шестнадцатого октября 1973 года, когда дочка уже повзрослела, прожив на этом свете четверть с половиной месяца, мы покинули Италию, чего нам очень не хотелось делать. Самолет, на котором мы летели в Америку, в Нью-Йорк, был самым большим из семейства «Боингов» — 747-й. Не самолет — настоящий корабль!

Но в середине пути торжественное наше настроение нарушил трагикомический эпизод. Стюард начал продавать блоки сигарет без налога — «такс фри». Выстроилась очередь. И вдруг вспыхнул скандал. Какой-то наш эмигрант по-русски кричал на стюарда, что он ему покажет, как прятать сигареты под прилавком, такую жизнь ему устроит, что он долго помнить будет, и так далее в том же совковом духе. Перепуганный стюард, итальянец, хлопал глазами, ничего, разумеется, не понимая. Прибежал еще один стюард и по-английски стал спрашивать людей в очереди, что случилось, в чем дело? Никто не мог с ним объясниться. Пришлось вмешаться жене. Оказалось, что сигареты кончились, и стюард-продавец сказал по-английски и по-итальянски, что сейчас принесут новый ящик, но наш «гомо советикус» ничего не понял и решил, что стюард припрятал для себя оставшиеся блоки под прилавком!

И действие это происходило в то время, когда наш самолет, чудо техники XX века, летел над Великим океаном и нес нас в новый неизведанный мир!

Говорят, что когда израильтяне эвакуировали то ли из Эфиопии, то ли из Марокко черных евреев, то они пытались в самолете разжечь костер, чтобы согреть себе пищу. Мне представляется, что их интеллект был никак не ниже, чем у нашего «боевика». Между прочим, после того как жена перевела ему слова стюарда и он получил свои блоки, он и не подумал извиниться перед стюардом.

С волнением ступил я на американскую землю. Ведь замыкался круг: 56 лет назад, весной 1917 года американскую землю покинул мой отец, чтобы вернуться в Россию! Есть от чего взволноваться...

Но Америка встретила нас самым неожиданным образом. Представители «Хаяса» отвезли нас в какой-то отель, и мы оказались в довольно большом номере. Он немного удивил нас своей ветхостью, однако это было только начало. Открыв холодильник, мы увидели там собрание большого числа тараканов, которые даже не обратили на нас внимания. Еще больший сюрприз ждал нас в туалете: унитаза лежал на боку! Кто-то, видимо, выломал его. Вот так. Жена пошла в коридорный туалет, но когда захотела выйти из него, не смогла открыть дверь. Стала ее трясти, потом колотить. Дверь открыл какой-то страшный негр, в халате, надетом на голое тело, и руками преградил жене выход. Жена нырнула под его руку и бросилась бежать

по коридору. Негр — за ней, крича, что он не может заснуть, что все ломаются из туалета, рядом с которым расположен его номер. Значит, дверь в туалет открывалась только при входе!

Мы в панике стали звонить нашим римским знакомым, семейству Эзры Иодидио, которые раньше нас приехали в Нью-Йорк и уже сняли себе квартиру. Те немедленно приехали за нами, (они обзавелись уже подержанной машиной) и увезли в свою квартиру, где мы в тесноте, но не в обиде прожили несколько дней, пока не сняли квартиру. К сожалению, эмигрантская жизнь развела меня потом с этими чудесными людьми.

Разумеется, отель, в который нас поместили, был, очевидно, не из самых, мягко говоря, дорогих. Но забегая вперед, скажу, что в Германии таких отелей просто не существует. Там комнаты для отдыхающих в крестьянских домах роскошнее, чем номера в хороших американских отелях. О совсем дорогих я не говорю, потому что в них не жил.

Тогда в Нью-Йорке я понял, что известное банальное выражение «Америка — страна контрастов» имеет глубокий смысл. На каждом шагу я наткнулся на знакомые мне по советской жизни феномены — по качеству жилья, продуктов и товаров массового пользования, транспорта, да и по уровню беспокойства!

С первых дней пребывания в Нью-Йорке я начал работать в тамошнем филиале «Свободы» и смог поэтому снять квартиру в хорошем районе, в доме среднего уровня. Но квартира эта была куда хуже, чем в рабочем поселке Витиния. Была ветхой, грязной, примитивно окрашенной. Поражали — и не только в этой квартире — сопливые жестяные шпингалеты на окнах и сами окна: надави — развалятся! Электрические выключатели на лампах были совсем древние: в виде вертушек. Иногда создавалось впечатление, что США очень старая и отсталая страна.

Дома района, в котором мы жили, угнетали своей стандартностью, словно их строила одна контора по типовому проекту. Эдакие кирпичные или цементные кубы без какого-либо покрытия стен, с ржавыми пожарными лестницами на каждой секции дома сверху вниз, от балкона к балкону — обязательный атрибут большинства многоквартирных домов в Америке.

Я спросил как-то хозяина нашего дома, почему у домов нет наружной отделки?

— Отделка дорого стоит!

— А почему все дома в районе одинаковые?

— Индивидуальные проекты — дороги!

В Италии, в Витинии, и отделка у домов была, и построены они были по индивидуальным проектам. Выходит, в Италии это по карману строителям? В довершение всего я понял, что хозяин нашего дома — лишь младший совладелец главного хозяина, которым была какая-то финансовая империя. Видимо, это она и печет дома-коробки, соревнуясь с Госстроем СССР.

Товары «ширпотреба». Купил я себе сумку с ремнем через плечо, чтобы можно было бегать с ней. Но ремень через два дня отделился от сумки. Видимо, был пришит гнилыми нитками. Купил я и такую важную в Нью-Йорке вещь, как цепочка для двери. Привинтил ее, набросил, потянул дверь для пробы — и цепочка распалась! Была склепана кое-как. Совсем родная картина!

Продукты питания удивляли своей безвкусыностью. Курятину, например, было трудно отличить от свинины, свинину от говядины. Особенно безвкусен был хлеб, мягкий — как вата, какой-то искусственный. Черный отличался от белого только цветом. Кофе и чай, подаваемые в кафе, представляли собой ужасную бурду. «Гарбичем», мусором, называли сами американцы гамбургеры в бесчисленных закусовых. Вот фрукты и соки были очень хорошими, лучше ев-

ропейских. Как и сигареты. (Я тогда курил.) Причина безвкусыности продуктов в США объясняется, видимо, относительной малочисленностью фермеров. Лишь 1,5% населения занято в сельском хозяйстве. Чтобы прокормить огромную страну, да еще и на экспорт производить продукцию, фермерам приходится применять такие методы интенсификации, которые выхолащивают вкусовые качества продуктов, да и делают иные из них небезопасными для здоровья. Не случайно в США неимоверно много сверх-толстых людей! А относительно низкое качество американского «ширпотреба» — результат, на мой взгляд, приглушения рыночной конкуренции засильем монополий. (Возникающих в ходе агрессивной конкуренции — в накоплении капиталов.) Помню, как я был удивлен, когда услышал от американцев, что товары надо покупать в маленьких «частных» магазинах, где выше их качество.

— Что значит — в частных? А остальные что — государственные? — ошарашенно спросил я.

— Нет, но они — «сетевые», акционерные, принадлежат крупным фирмам... — отвечали мне. — Это примерно то же самое, что и государственные!

Транспорт. Когда мы в первый раз с дочерью на руках попали в нью-йоркское метро, я испугался, что с ней может что-нибудь случиться, такой грохот там возникал при приближении поезда. Хотелось руками затыкать уши. Метро было сделано в начале века и почти не изменилось с тех пор. Своды потолков поддерживались чугунными клепаными конструкциями, которые резонировали при прохождении поездов. И большинство вагонов тоже были сделаны в начале века. В пригородных поездах мне часто приходилось сидеть на пружинах, продающихся через расползающееся покрытие скамей. Изводил в метро и перепад температур. В современном вагоне, оснащенном кондиционером, мог стоять ледяной холод, а на станциях вас встречала дикая жара и духота. (В Нью-Йорке летом жарко и сыро, как в бане!) Я два раза тяжело простужался из-за этих контрастов, пока не научился всегда брать с собой (летом) свитер или кофту, чтобы накидывать их при входе в вагон.

Поражал и вид, открывавшийся из вагонов метро. Нью-Йорк разбросан на гигантской территории, и чаще всего линии метро при переходе из одного района в другой пролегают по эстакадам, и в этих переходах обычно сосредоточены заводы, которые очень напоминают советские: огромные грязные корпуса, грязные побитые окна, свалки во дворах. И непонятно, работают ли эти заводы, или они — брошенные?

Но особенно гнетущее впечатление оставляли городские трущобы. Впервые я увидел трущобы во всю ширь, когда ехал на поезде из Нью-Йорка в Вашингтон через Питсбург и Балтимору. Трущобные районы там были огромными. Улицы уходили аж за горизонт. Двух- и трехэтажные кирпичные или цементные дома, построенные впритык друг к другу, стояли черными от грязи, с черными стеклами окон. Многие дома, целые группы домов выглядели брошенными, разваливающимися. На улицах лежали горы мусора. И ни клочка зелени! Короче, вид был апокалипсический. Потом такие же районы я видел и в Нью-Йорке и однажды попал в такой район. На улицах, кроме мусора, лежали и наркоманы. Рад был, что выбрался оттуда невредимым. Нищие деревни в России — зрелище тоже, конечно, очень тяжелое, но там дома, избы — из дерева, и вокруг хоть какая-то растительность, и это смягчает впечатление. Нищета, но не апокалипсис!

Трущобы часто примыкают вплотную к шикарным улицам. Как-то мы с женой гуляли вечером по богатому авеню Манхэттена и вдруг оказались на темной трущобной улице. На тротуарах там лежали большие картонные коробки, в которые залезали или ворочались в них, укладываясь спать, бродяги — мужчины, женщины. Стало жутковато. Я схватил жену за руку и

почти бегом повлек ее обратно на освещенную авеню, застроенную роскошными небоскребами.

Трущобы в Америке удивительно напоминают и тамошние кладбища — огромные, необъятные территории, густо «застроенные» почти одинаковыми и примитивными памятниками в виде торчком стоящих плит. Ровные их ряды тянутся до горизонта, и — никакой зелени. Первое такое кладбище открывается, когда едешь в Нью-Йорк на автобусе из аэропорта «Кеннеди». Пассажиры стараются на кладбище не смотреть. Какая суета должна владеть людьми, чтобы они так относились к погребению своих близких! Удивляет и ранжирная «застройка» кладбищ в государстве процветающего индивидуализма. Ни в одной другой западной стране я не видел таких кладбищ. Кладбища в Германии, особенно новые, это настоящие произведения искусства — в выборе места, планировке, в подборе сортов деревьев и кустарников.

Двадцать лет проработал я на «Свободе», до октября 93-го, много раз за это время бывал в Америке, и ничего существенно не изменилось там в отношении трущоб и уж тем более — кладбищ. Для ликвидации трущоб необходимы, конечно, очень большие средства. И для того, чтобы застроить их нормальными домами, и хорошие рабочие места создать для их жителей, и подготовить жителей для работы на этих местах.

Львиная же доля капиталов находится в частно-акционерных руках, между владельцами идет ожесточенная агрессивная конкуренция в накоплении капиталов, и деньги вкладываются лишь туда, где можно получить максимальную прибыль. В Атлантик-Сити на берегу океана высится цепь игорных небоскребов (на всех этажах играют, выпивают и закусывают!), и тут же за небоскребами, вплотную — трущобные дома и улицы! В игорные дома деньги вкладывать выгодно!

Наряду с трущобами не удается в США ликвидировать и высокую преступность, и наркоманию. Даже в прекрасном Центральном парке Нью-Йорка опасно находиться после шести вечера. А в такие районы, как Гарлем, Бруклин, Бронкс, опасно заглядывать в любое время дня.

В целом все это называется: крайности сходятся. США — страна радикального капитализма без социал-демократического намордника, как я это в шутку обозначаю, а Советский Союз был страной радикального государственного социализма. В США рыночная конкуренция придавлена монополиями, в СССР таковая вообще отсутствовала. В США профсоюзы (ограничивающие агрессивную конкуренцию и поднимающие уровень жизни народа) охватывают менее 20% работающего по найму населения. Работодатели в Америке до сих пор борются против создания новых профсоюзов. В СССР профсоюзы были (и в «новой России» остались) фиктивными, подчиненными властям, а сейчас еще и олигархам.

Но в Америке я увидел, конечно и много хорошего. Прежде всего, приятно поражала благожелательность американцев. Прихожу в управление иммиграции и натурализации. Небоскреб, толпы посетителей, настроение сразу падает. Но удобная, понятная даже для людей, плохо знающих английский, система указателей приводит вас в нужное место. Там в зале ожидания вы отрываете из специального автомата номерок с порядковым номером в очереди и садитесь ждать. (Весь зал уставлен стульями, мест хватает.) Подходит очередь, и в бюро вас встречает простая, спокойная служащая или служащий и как-то по-домашнему, по-доброму начинает с вами «выяснение отношения», всячески стараясь вам помочь, облегчить задачу. Не ленится, если надо за вас куда-нибудь позвонить, справку получить. Потом я бывал в амери-

канских консульствах в Мюнхене, во Франкфурте, и там встречал такую же добрую, домашнюю атмосферу.

Возвращаюсь поездом из Вашингтона в Нью-Йорк. Подходит контролер, и я обнаруживаю, что потерял билет. Объясняю ему, что потерял, и спрашиваю, сколько я должен дать ему денег, чтобы купить новый билет. У меня был билет в оба конца, что значительно дешевле, чем в один, но что поделаешь. И вдруг контролер, порывшись у себя в сумке, дает мне обратный билет — бесплатно. Он поверил мне!

Одиозный случай произошел со мной, когда я в один из прилетов в Нью-Йорк из Мюнхена для смены временного дорожного паспорта не взял с собой «грин-карту», документ, дающий право на получение со временем гражданства. Я не знал, что ее надо было взять с собой. В аэропорту «Кеннеди» пограничник объяснил мне, что «грин-карта» нужна для въезда в США. «Но я не знал этого! — повторяю я. — Что же мне теперь делать?». И вдруг пограничник говорит: «Проходите».

Сотрудница в отделе кадров в нью-йоркском бюро «Свободы» была поражена: «Вы понимаете, что вас выпустили без документов, фактически нелегально?!». Она тут же связалась с Мюнхеном и договорилась, что мою «грин-карту» пришлют с военно-транспортным самолетом через день-другой. Кроме всего прочего, она нужна, чтобы продлить временный паспорт. «Звоните домой, чтобы ваша жена подвезла карту на «Либерти»», — улыбается сотрудница, протягивая мне телефон.

О подобных случаях можно рассказывать очень долго.

Столь же благожелательны, как правило, и простые люди. Выхожу из метро — льет дождь, а зонтика нет. Но какой-то идущий рядом молодой американец, раскрывая свой зонт, спрашивает, куда мне идти? Оказывается, ему со мной почти (!) по пути. «Идемте вместе!» — и провожает меня до самого подъезда.

У моего сына сломался на шоссе велосипед. Остановилась машина. Ее владелец попытался помочь сыну починить велосипед, не получилось. Предложил поехать к нему домой: в гараже у него есть все необходимые инструменты. Поехали, починили, и — американец пригласил сына пообедать! Пообедали, и он еще отвез сына с велосипедом на нужное ему шоссе.

Огромное впечатление произвели на меня веротерпимость и полнота национальной жизни американских «нацменьшинств»: евреев, греков, итальянцев, китайцев, украинцев, русских и т. д. У всех есть свои общины, храмы, клубы, магазины, фабрики, печать, театры и даже нерабочие дни в свои национально-религиозные праздники.

На «Свободе» в первые же дни работы ко мне подошла секретарь бюро с блокнотом и спросила, какие праздники я отмечаю: православные, еврейские, протестантские или какие-нибудь еще? Каждая национальная или религиозная группа получает выходные дни в свои праздники! В дополнение к общеамериканским. Я спросил, нельзя ли записаться и евреем, и русским? Не вышло!

Идешь вечером по городу и видишь, что во многих окнах горят семисвечники. И мелькает мысль: как это люди не боятся заявлять себя евреями, не боятся, что камень в окно влетит?

На улице вижу дом с огромной вывеской: «Молодой Израиль «Форест хилс»» — района, в котором мы жили. Это клуб еврейской молодежи района. Представить такой клуб в Москве!

Побывал я и во взрослом еврейском клубе. В зале американцы, желающие приобщиться к еврейству, разучивали израильские танцы под руководством какой-то учительницы из Из-

раиля. Вдруг вижу, как встают в круг танцующих два молодых негра в иудейских ермолках и начинают танцевать еврейский танец с неповторимой негритянской раскрепощенностью и грацией. «Кто это?» — спрашиваю сопровождавшего меня американца. — «Негры, перешедшие в иудаизм».

Этот же американец, еврей — я с ним познакомился еще в Москве, куда он приезжал туристом от еврейской общины США, чтобы помочь «отказникам», — привел меня в греческий центр на крестины ребенка, родившегося у грека и еврейки. Половина гостей были православные греки, половина — иудейские американцы. Был я и в реформистской синагоге, где женщины сидели вместе с мужчинами и после богослужения все ели блюдо из свинины. В Израиле, думаю, такое невозможно.

Вдруг я услышал, что в Америке есть клубы, вход в которые запрещен евреям. «Это правда?» — спросил я своего гида. «Правда, — улыбнулся он. — Но есть и клубы, в которые запрещается вход для неевреев.» Это тоже — Америка! — говорю уже я.

Присутствовал я и на свадьбе двух научных работников нью-йоркского университета. Невеста — негритянка, жених — богатый белый аристократ-южанин. Оба — очаровательные люди. Пригласили меня выступить в университете — рассказать о положении в СССР, о диссидентском движении.

Перед Новым годом в подъездах и на улицах рядом висят две вывески: «Счастливого Нового года!» и «Веселой Хануки!».

Видел я и манифестацию китайцев с драконами на Пятой авеню в китайский Новый год.

Описать свободу и многообразие национальной жизни в США очень трудно. Это надо видеть своими глазами. И так надо было бы знать об этом людям в России, где значительная часть населения живет в душливой атмосфере шовинизма, ксенофобии, зависти и нетерпимости ко всему чужому.

Впечатлила в высшей степени и мощь американской демократии. Во время моего первого пребывания в Штатах шел Уотергейтский скандал. Никсона сгоняли с президентского кресла всего лишь, напомним, за то, что он соврал, что ничего не знал о прослушивании республиканцами телефонов в предвыборном штабе демократов. С близкого расстояния это было захватывающее зрелище: демонстрация силы и независимости прессы, телевидения, парламента.

Подытоживая рассказ об Америке, я должен отметить, что большинство россиян, побывавших в США, по их отзывам об этой стране можно разделить на две группы. Одни превозносят Америку и замалчивают ее пороки — это в основном сторонники капитализма. Другие — хулят, чернят безмерно. Причем особое презрение если не ненависть у людей этой группы вызывают прежде всего сами американцы. Они их считают идиотами, не более не менее!

Важно также отметить, что люди первой группы, защищая Америку и ее строй, как правило, прибегают к расистским доводам. Например, в существовании трущоб в США они обвиняют проживающих там негров, пуэрториканцев и других «унтерменшей». При том что в трущобах живут и белые, в том числе и евреи. Кстати, большинство еврейских местечек в черте оседлости в царской России по уровню нищеты и запущенности представляли собой типичные трущобы!

От себя же я хочу напомнить всем, что какие бы противоречия и недостатки не находили мы в США, нельзя забывать, что в конечном итоге Америка и Англия также решительнее всех выступают против фашизма всех цветов. Они обеспечили победу над коричневым фашизмом

и подавили красный фашизм в СССР и Восточной Европе. И по-прежнему они остаются главными противниками всяческих тираний. Великую, неосознаваемую большинством людей миссию выполняют США, защищая Израиль. Об этом я еще скажу дальше, когда буду рассказывать об Израиле.

А сейчас перейду к рассказу о русских эмигрантах в Америке. Особо я должен выделить еврейскую демонстрацию в Нью-Йорке весной 1974 года в поддержку советских евреев. Демонстрация проводилась под общим лозунгом «Отпусти народ мой!», обращенным к кремлевскому фараону. Конкретно демонстранты требовали отмены в СССР платы за высшее образование для выезжающих в Израиль и разрешения на выезд для всех «отказников». В «отказе» тогда сидело множество людей в СССР.

Первой колонной должны были идти американские евреи, ветераны Второй мировой войны, в военной форме, со знаменами своих дивизий. За ними — группа депутатов Сената и Палаты представителей во главе с сенатором Джексоном, автором знаменитой поправки к закону о внешней торговле, запрещающей предоставление Советскому Союзу статуса наибольшего благоприятствования в торговле ввиду отсутствия свободы эмиграции.

Далее должна была идти колонна эмигрантов из советской России. А за ней уже — «рядовые евреи» Нью-Йорка. И оказалось, что из российских евреев на демонстрацию пришло от силы человек пятнадцать, из которых восемь приходилось на семью Эзры Иодидио и нашу. (Дочь сидела у меня за спиной в специальном рюкзаке.) Малочисленность пришедших эмигрантов повергла американцев в глубокое недоумение. Демонстрация солидарности с советскими евреями, а они — не явились! В Нью-Йорке в то время уже жили тысячи евреев из СССР. Организаторы демонстрации приготовили для советских евреев десятки транспарантов и плакатов, но нести их было некому. «Может, отсрочить начало демонстрации?» — спрашивали нас организаторы. Мы отрицательно качали головами и прятали глаза. Что нам было сказать американцам? Что они имеют дело с особой породой людей, выросших в советских условиях законченными эгоистами, «пофигистами»? Вырвались (с чужой помощью!), и плевать им на все — на американскую солидарность и на оставшихся в СССР евреев!

Тем не менее демонстрация началась и продолжалась, наверное, часов до пяти вечера. Более полумиллиона человек приняли в ней участие. Колонны двигались с верха Пятой авеню, где происходил сбор, и проходили по всем главным улицам Манхэттена. Примерно после часа шествия с демонстрацией мы решили отколоться и вернуться домой: не хотели слишком уж утомлять дочку, которой было тогда около 10 месяцев. Но мы долго не могли пробиться к метро. Колонны все шли и шли. Как на старых первомайских демонстрациях в Москве. Но только здесь люди шли добровольно. Шли молодые и пожилые, школьники и студенты, торговцы и рабочие, ортодоксальные евреи в черных шляпах и творческая богема. Мы были потрясены массовостью демонстрации. И было очень стыдно за российских евреев. Между прочим, плата за образование для людей, выезжающих по израильским вызовам, Кремлем была вскоре отменена.

Теперь, по прошествии времени, видна глубинная связь того позора с нынешней позорной пассивностью российских людей, с отсутствием у них всякого чувства солидарности и сопереживания. В результате немисливо даже сравнивать, скажем, многомиллионное движение в США за вывод американских войск из Вьетнама и жалкие кучки людей на российских митин-

гах против войны в Чечне. При том что война во Вьетнаме была начата Северным Вьетнамом при огромной военной поддержке со стороны СССР.

Во время пребывания в Нью-Йорке случился мой первый конфликт со старой русской политэмиграцией. В феврале 1974 года из Москвы был выслан Солженицын, и вскоре на Западе было опубликовано его «Письмо вождям Советского Союза», в котором он впервые предстал как ненавистник демократии и Запада, националист и религиозный мракобес.

На Западе, да и в России, многие до сих пор не знают, что было два варианта этого письма. Первый, написанный еще в Москве, был датирован 5 сентября 1973 года и отправлен вождям, а также Сахарову. Второй вариант был сделан уже в Швейцарии весной 1974 года. Он был смягчен по отношению к Западу и демократии (на «Свободе» были получены обе версии) и помечен также 5 сентября 1973 года!

Я впервые столкнулся с такой «честностью» Солженицына, призывавшего всех «жить не по лжи», и долго не мог поверить своим глазам. Положил перед собой оба варианта и вновь и вновь сравнивал тексты и даты.

При сравнении возникал и комический эффект. В первой версии Солженицын писал, что он, родившись в России, за нее, мол, и хлопчет по принципу «где уродился, там и пригодился». А во второй — что болеет он за Россию и Украину, опять же по принципу «где уродился, там и пригодился». Выходило, что уродился он сразу в двух местах! На Западе Солженицын, видимо, быстро понял, что русская эмиграция горой стоит за неделимость «России» (т. е. российской империи), особенно за неделимость с Украиной, и соответственно изменил текст, чтобы убажать русских эмигрантов.

В обоих вариантах Солженицын, напомним, выступал за установление в России авторитарного строя «под эгидой православия», но подчеркивая — старого, истинного православия XVII века, «не издерганного реформами Никона». Главное зло он видел в идеологии коммунизма, в марксизме и предлагал советским вождям отказаться от нее. Солженицын утверждал также, что русский народ был главной жертвой коммунистического режима и пострадал от него больше всех других народов Советского Союза.

Я позвонил Сахарову. Он был в это время в Ленинграде и тяжело болел гриппом. Я спросил его, читал ли он «Письмо к вождям» Солженицына? Сахаров сказал, что читал и, поняв мой главный невысказанный вопрос, добавил, что, конечно, надо было бы выступить по этому поводу, но он не знает, сможет ли: тут нужна серьезная работа, а он болен, лежит в постели, в чужом доме, в чужом городе.

И тогда я решил сам написать статью с критикой «Письма вождям».

Редакция нью-йоркской коммерческой газеты «Новое русское слово», в которой 10 апреля 1974 года была напечатана моя статья, озаглавила ее «В чем Солженицын ошибается». Это была первая в русской эмиграции критика взглядов Солженицына. Приведу главные фрагменты статьи.

«Плохо воздашь ты учителю, соглашаясь с ним во всем, говорили древние. Солженицын был для всех нас учителем. Учил честности, мужеству. Но пришло время не соглашаться с ним и спорить.

Чудовищной эксплуатации и подавлению подвергаются люди в СССР, живут в тяжелой нужде на уровне развивающихся стран. Солженицын же видит панацею от всех бед в отказе от коммунистической идеологии, давно уже ставшей пустой бутафорией. При этом он счита-

ет возможным, и более того — желательным, сохранение авторитарного строя в России, но под «этическим куполом» православия, притом XVII века, считая, очевидно, возрождение такого православия реальным в XX веке. Солженицын уверен, что при этом условии существующий ныне авторитарный строй может из «большой зоны ГУЛага» превратиться в «зону добра и заботы обо всех живущих». Защищая эту свою надежду, он пишет, что демократии, «построенной в строгих нравственных ограничениях, нигде, никто никогда не показывал и не осуществил». Но нигде, никто никогда не показал и не осуществил и авторитарного строя в строгих нравственных ограничениях, хотя авторитарные режимы существовали на земле значительно более долгое время, чем демократические. И именно они давали примеры рекордной безнравственности и жестокости «от античности до современности», от режимов Нерона и Наполеона до режимов Гитлера и Сталина.

Над социалистами смеются, что вот уже 50 лет они все надеются осуществить социализм с человеческим лицом, что же тогда можно сказать о тысячелетних надеждах «авторитаристов» осуществить авторитаризм с человеческим лицом?

Задачу «нового» строя в России Солженицын видит в прекращении экономического развития и в освоении Северо-Востока. Порой возникает мысль, когда читаешь все это, не шутит ли он, не на пари ли какое все это письмо сочинено? Люди в нужде ужасной живут, а тут предлагается прекращение развития, вместо того чтобы требовать изменения его внутреннего характера и направленности. Да еще этот Северо-Восток! Все, кто знает, что представляет собой этот регион — две третьих зона вечной мерзлоты, болота, тайга, жестокий климат, — понимают, что в обозримом будущем освоение этих районов для жизни людей — чистейшая утопия. Если только с помощью жителей «Архипелага ГУЛаг» и для него».

«...В плохом свете представляет Солженицын русский народ и Россию, когда пишет: «Я предлагаю согласиться и примириться: Россия — авторитарна, и пусть остается такой и не будем бороться с этим».

Классические авторитарные страны — Германия и Япония (в России никогда не было такого почтения к власти и к авторитетам, как в этих странах) стали демократическими. А Россия — не способна?

«За последние полвека подготовленность к демократии еще снизилась», — утверждает Солженицын.

Однако Надежда Мандельштам считает: «Всем народом сверху донизу мы чему-то научились, и то, чему мы научились, представляется очень существенным». А научились, писал я, отвращению к авторитаризму и всему, на чем он держится, и это очень существенно для подготовки к демократии. А навыки практические? Чтобы иметь навыки к плаванию, надо войти в воду!

«Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем, — пишет Солженицын, — и к началу XX века весьма сохранила духовное здоровье народа.» Духовное здоровье, выходит, состоит в смирении с теми, кто сидит на шее. А нездоровье — когда это народу начинает не нравиться?

Но, может быть, вернее будет считать, как считало до сих пор большинство русских мыслителей, в том числе и авторы «Вех», что именно остатки рабского духовного нездоровья способствовали тому, что, сбросив одно угнетенье, народ допустил новое, которое оказалось страшнее прежнего? И есть надежда, что от этого духовного нездоровья народ в своем большинстве, наконец, излечился. Думается, что сегодня народ в России самый антиавторитарный в мире. Мало еще где так мало уважается власть и авторитет, притом что люди в СССР

жаждут порядка, но основанного на демократии! Беспорядок, анархия уже прочно ассоциируются для всех с авторитарным бюрократизмом. И только силой — КГБ, ГУЛагом, стукачами, совокупностью всех предельных несвобод — держится авторитарный режим в Советском Союзе».

Я обильно процитировал свою статью для того, чтобы читателю легче было оценить реакцию на нее в русской эмиграции. Кроме того, ее последняя часть содержит материал для важных размышлений. Эту вторую часть можно было бы назвать «В чем Белоцерковский ошибается».

А ошибался я прежде всего в том, что считал, что подготовленность народа к демократии выросла, и народ приобрел отвращение к авторитаризму, что беспорядок и анархия уже прочно ассоциируются у него с авторитаризмом. Теперь у многих скорее ассоциируются, увы, с демократией!

Но Солженицын оказался здесь прав не потому, что он народ хорошо знает, а потому, что очень демократию не любит. Вскоре он напишет, что демократия — это «право свободно разрушать свое государство».

И ошибался я потому, что недооценивал силу деморализующего и отупляющего воздействия авторитаризма, в частности авторитаризма брежневского периода. За годы моего отсутствия в России это воздействие продолжалось и, похоже, усилилось. Ложь, цинизм, двоемыслие, воровство, обострение эгоизма и невосприимчивости к чужим страданиям — все это вело общество к деградации моральной и умственной, и люди оказались неспособными к объединению и солидарности для борьбы за свои интересы и права, для самозащиты от ограбления и эксплуатации. В результате с 93-го года в стране устанавливается авторитарный режим, который поддерживает православная Церковь. Но не «куполом» ему служит, а сама находится под куполом власти, точнее КГБ-ФСБ! И кровь вот уже скоро 10 лет льется в Чечне, и народ бедствует пуще прежнего, но за Путина голосует.

Моя статья с критикой «Письма к вождям» Солженицына вызвала в эмиграции бурный взрыв возмущения. Редактор газеты Андрей Седых позвонил мне и стал кричать, что проклинает себя за решение напечатать статью, что я не представляю, какие звонки и письма он получает. И он вынужден их печатать!

Возмущение эмигрантов, как я понимаю, вызвало не столько содержание моей критики, сколько сам ее факт. Какой-то еврейский эмигрант посмел критиковать Великого Русского Писателя!

Но не успел Седых начать печатать поток возмущенных откликов, как на Запад пришла статья Сахарова «О письме А. Солженицына «Вождям Советского Союза»». Он все-таки нашел в себе силы ее написать.

И вновь раздался звонок Седыха: «Вадим, мы спасены! Сахаров ответил Солженицыну! И он пишет почти то же самое, что и вы! Я теперь выброшу в корзинку большинство этих грязных писем и статей!».

Ненависть ко мне в эмиграции после ответа Сахарова, разумеется, только усилилась. Было известно, что я поддерживаю телефонную связь с Сахаровым, и по эмиграции пошел слух, что я с ним сговорился. Работавший тогда режиссером на «Свободе» бывший адъютант гене-

рала Власова Анатолий Скаковский сказал мне: «Мы думали — вы смелый, а вы, оказывается, знали, что Сахаров тоже выступит».

Ненависть русской эмиграции я закрепил сближением с украинской эмиграцией. Сблизился я с либеральным крылом украинцев, но для русских эмигрантов это не имело значения, так как либеральные украинцы тоже выступали за отделение Украины, а значит — были врагами. Сближение с украинцами началось с того, что они предложили мне дать интервью для их журнала «Сучасность», и я, о ужас! не отказался. И не отказался потом поучаствовать и в диспуте в Украинском университете.

Диспут этот был очень забавным. До меня в Нью-Йорк приехал некто Юрий Гендлер, ленинградский диссидент, еврей по отцу и русский шовинист-великодержавник по самоопределению. Он именно так себя и представлял: «Я не русский националист, я русский шовинист. Националист — это узко для русского человека!». Причем шовинистом он стал в Америке, сориентировавшись, видимо, на старую русскую эмиграцию. В Америке он объявил себя и монархистом, и православным христианином, крестившись в местной церкви. Как и я, он поступил работать на «Свободу».

Так вот, нас с ним украинцы пригласили в свой университет на дискуссию о судьбе СССР. Я выступал за свободу отделения республик и утверждал, что такое отделение неизбежно произойдет в случае падения тоталитаризма в СССР, так как слишком много недоверия, а часто и ненависти накопилось у нерусских народов к России. Гендлер, естественно, выступал за «Единую и Неделимую Россию», подразумевая под понятием Россия всю территорию СССР.

Я спросил его во время диспута: «Вот вы, христианин, стоите за великую и неделимую Россию, и старая Россия для вас образец. Хорошо. Но ведь если завтра вы дадите нерусским народам хотя бы половину царских свобод, то вам, христианину, придется вскоре пускать в ход танки, чтобы удержать их в империи».

— Ну что ж, — отвечивал он, — Христос, когда надо, мог быть жестоким. — И пустился в рассуждения о том, что русский народ — великий народ, отмеченный богом, и потому просто обязан пасти другие народы. — Вот вы же не преминете, — пояснил он, — воспользоваться силой, если ваш сын попытается убежать из дома!

— Значит, на бога надейся, но и с танками не плошай? — спросил я его.

Украинские студенты и преподаватели встретили мои слова аплодисментами. Поняв, что проваливается, Гендлер воззвал к аудитории: «Но зачем нам разделяться, когда мы (значит — русские и украинцы) так близки друг к другу по происхождению, культуре?».

— Вот это нас и пугает! — ответил ему сидевший в первом ряду профессор под аплодисменты зала.

— Но мы с вами одной религии, мы с вами православные! В отличие от него! — показал Гендлер на меня, рассчитывая, видимо, на то, что среди украинцев должно быть много антисемитов. Зал взорвался возмущением, люди стучали руками по столам, топали ногами. Ведь это была аудитория либерального университета, большинство студентов которого родились и выросли в США. Ведущий собрание редактор «Сучасности» Роман Купчинский, тоже молодой человек, встал и сказал, обращаясь к Гендлеру:

— Дорогой господин! У нас, в нашей аудитории, так дискуссии не ведут! Прошу вас иметь это в виду!

В русской эмиграции, как я узнал потом, мое выступление вызвало пароксизм бешенства. Позже, когда я переехал в Мюнхен, Джон Лодзин сообщил мне, что после моей статьи с кри-

тикой Солженицына и выступления в Украинском университете в русской эмиграции «создалась группа, точнее, организация», поставившая себе целью удалить меня со «Свободы».

Но сделать это эмигрантам тогда не удалось: в расцвете был детант, и влияние русской эмиграции на американцев очень ослабло, однако в черный список эмиграции мое имя вошло раз и навсегда. Я стал числиться в нем русофобом и коммунистом, «Красносинагогским».

Ирония ситуации состоит в том, что через много лет, уже в конце перестройки, Гендлер, переживший в демократа и американского патриота, дослужился до поста директора русской службы в Мюнхене, стал моим начальником и яростным поклонником Ельцина, из-за чего мне пришлось в октябре 93-го года уйти со «Свободы», так как я сторонником Ельцина не стал.

Роман Купчинский, между прочим, в те же годы был назначен главным редактором украинской службы «Свободы».

Продолжал я наткаться на малоприятные сюрпризы и со стороны новой, демократической эмиграции

В Нью-Йорке я позвонил Валерию Чалидзе, приехавшему в Америку несколько раньше меня. Чалидзе, напомним, вместе с Сахаровым был основателем Комитета прав человека — первой правозащитной организации в СССР. Я был знаком с Чалидзе в Москве, хорошо знал его первую жену Веру Слоним (Литвинову), внучку знаменитого сталинского наркома иностранных дел Максима Литвинова, дружил с ее матерью Татьяной Максимовной Литвиновой и отцом, талантливым скульптором Слонимом. Был у меня с Чалидзе и неординарный контакт осенью 72-го года. Мы жили в одном переулке — на Сивцевом Вражке. И однажды мне позвонил Сахаров и сообщил, что у Чалидзе отключен телефон, но он этого не знает, и, видимо, к нему могут скоро прийти с обыском из КГБ. В связи с чем Сахаров попросил меня подойти к Чалидзе, предупредить его и сообщить, что он, Сахаров, срочно выезжает к нему. Сахаров просил меня быть внимательным, так как около подъезда и квартиры Чалидзе уже могут дежурить чекисты.

Чалидзе, когда я пришел к нему, очень благодарил меня и сказал, помню, что вот, мол, я недавно в движении и уже так рискую.

И вот я звоню ему в Нью-Йорке — близкий человек в этом чужом мире! — и натываюсь на холодный, надменный тон. По инерции я еще сказал, что надо бы встретиться, и получил в ответ: «А вы мне по почте пришлите вопросы, о которых вы хотели бы со мной говорить». Тут я уже несколько пришел в себя и ответил, что ничего я ему, конечно, присылать не буду, Господь ему судья!

Положительные эмоции и в Нью-Йорке вновь помогли мне получить чехи. Перед отлетом в Америку Пеликан снабдил меня телефоном Антонина Лима, преподававшим тогда в местном университете. И вскоре после «приятной» беседы с Чалидзе я позвонил Антонину Лиму. Он пригласил меня с женой в ресторан, и мы с ним таким образом познакомились. Я увидел удивительно красивого, мужественного человека. Мы подружились с ним.

Лим свел меня в Нью-Йорке с редактором журнала «Гуманист» Паулем Куртцем, который дал мне текст «Гуманистического манифеста — 2», созданный редакторами журнала, и предложил его подписать, что я и сделал. Цель этого манифеста состояла в том, чтобы предупредить человечество о грозящих ему опасностях и о необходимости проводить коренные преобразования во всех сферах жизни в направлении углубления демократии и гуманизма.

Ранее этот манифест подписали Сахаров и Есенин-Вольпин. В общей сложности его подписало около 300 человек из многих стран мира, среди которых были крупнейшие деятели культуры. («Манифест—1», созданный за 40 лет до того, в 1933 году, также при журнале «Гуманист», содержал предупреждение о надвигающейся на мир фашистской опасности.)

Я передавал потом текст «Манифеста—2» в своей программе по «Свободе» и включил его сборник статей «СССР – демократические альтернативы», изданный мною в 1976 году в Западной Германии и Франции.

Вот отдельные выдержки, которые помогут понять направленность манифеста.

Из вступления: «Чтобы выжить, человечество нуждается в смелых и решительных мерах... Конечной целью должно стать осуществление потенциальных возможностей для развития каждой человеческой личности — не избранных немногих, а всех...»

Из раздела о религии: «Традиционные религии часто предлагают людям утешение, но часто и сдерживают людей от помощи самим себе или полного использования своих возможностей. Их институты, верования и обряды часто подавляют в людях стремление служить ближним. Слишком часто традиционные религии поощряют зависимость — нежели независимость, повиновение — нежели самоутверждение, страх — нежели мужество... Никакое божество нас не спасет. Мы сами должны себя спасти».

Из раздела «Демократическое общество»: «Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них огромного числа людей на всех уровнях — социальном, политическом, экономическом. Каждый должен иметь право голоса в выборе ценностей и целей, детерминирующих наши жизни».

И из «Заключения»: «В настоящий момент истории приверженность всему человечеству — высшая приверженность, на которую мы, люди, способны. Узкая приверженность церкви, государству, партии, классу, нации или расе должна уступить место более глубокому пониманию и видению мира и потенциальных возможностей человечества».

Пауль Куртц пригласил меня сотрудничать в его журнале, и я в Нью-Йорке написал для него статью «Новые левые в Советском Союзе», в которой изложил вкратце свои идеи о демократическом социализме. Это была моя первая публикация на Западе. Она появилась в ноябрьском номере «Гуманиста» за 1974г.